

Мифы, которые нас убивают

Вы будете смеяться, но это страшно. Страшно потому, что у каждого из нас есть свой тайный свод имён, запёкшихся кровью. Тех, кто мечтал, чудил, писал стихи – тех, кто **был** рядом. Сначала задаёшь себе вопрос: почему? Потом пытаешься как-то это себе объяснить. Написать о них. Напечатать их стихи. Но всё равно: они ушли – а ты живёшь. Сколько им было? Двадцать один. Двадцать семь. Тридцать семь. Сорок два...

Простите меня те, чьей памяти я невольно касаюсь, чьи души тревожу. В этой статье я не буду называть имён. Любого из них достаточно, чтобы надорвать сердце. Но я хочу сказать о том, **что** убивает, и говорить буду по тому праву, которое безусловно даётся материнством, долгим учительством и собственным опытом пребывания на тонком краю жизни.

Мудрость называет три причины смерти. Первая – естественный физический износ. Вторая – логическое завершение жизненного сюжета, урока. Оба этих варианта предполагают жизнь долгую: природа создала немалый запас прочности организма, а вокруг нас – неисчерпаемый запас тайн, достойных изучения. Да и в России, говорят, надо жить долго, чтобы хоть что-то понять.

Но есть ещё и третья причина смерти, психологическая: создание вокруг себя такого хаоса, с которым человек уже не может справиться. И практически неважно, **что** является финалом: суицид, несчастный случай, болезнь. Важно, что этот финал закономерен и неизбежно скор.

Но ведь поэт – врождённая гармония! То, что звучит в нём, выше, больше, сильнее его самого, неужели оно должно неизбежно приводить к трагедии? Неужели между тем и этим миром непримиримая, безысходная вражда, заложниками которой обречены становиться поэты? Неужели ощущение **той** гармонии смертельно отвращает от жизни **этой**? И правомерно ли вообще такое разделение мира?

Нет. Дело в нас. И даже не столько в нас самих, сколько в наложении на нашу без того непростую жизнь мифов, предрассудков, фантомов. Предрассудки срываются, как им и полагается, вперёд рассудка, фантомные боли становятся невыносимыми, а мифические трагедии пропитываются живой кровью. Но откуда они? Как проникают

в нашу жизнь и почему убивают? Если мы не думаем и не делаем выводов, значит, опыт, который уже многократно оплачен жизнью, практически напрасен.

Эта статья написана для сугубо индивидуального переживания. Автор ни единым знаком не предполагает как-то обесценить или унижить судьбы и творчество тех, кого с нами уже нет. Они заплатили по всем счетам, наш расчёт с этой жизнью ещё впереди. Но нельзя не говорить о том, что убивает, ведь оно продолжает убивать!

Поэту сущностно необходимо осознавать себя как личность. Однако только самостоятельная духовная жизнь, жизненная позиция, индивидуальная гармония дают право говорить от своего имени. Лишь на этой основе можно рассуждать о роли поэта, его миссии и так далее.

Но так ли просто обрести самостояние и реализовать его в повседневности? Особенно в юности, когда самоидентификация чаще всего происходит по принципу «от противного»: я не обыватель, я поэт! Я не часть толпы, я личность!! Я не потребитель, я творец!!! Но – что такое поэт, личность, творец в позитивной формулировке, без лукавых «не», скорее привязывающих к нежелательному объекту, чем отталкивающих от него?

Тем не менее, вокруг кипит обыденная жизнь, настойчиво превращающая мирных обывателей в «массу» и ориентирующая их исключительно на потребление массовой информации, массовой продукции, массовой культуры. И началось это не вчера, и закончится уж точно не завтра. А поэт что – один против всех? Так и получается. Он – за человека, за каждого, единичного, уникального, тонкого, понимающего собеседника. За человека и против толпы, о которой Пушкин сказал: «чернь».

Чтобы выстоять в этом неравном поединке и утвердиться в своём праве речи, нужна колоссальная сила. А где её взять, если ты весь пока ещё – только прекрасная возможность, и не более? Есть два источника, питающих уверенность поэта: традиция и миф. Традиция здесь понимается как свод неписанных, но последовательно реализуемых в жизни и творчестве правил, формально обеспечивающих преемственность позитивного опыта поэтической деятельности, содержательно – его постепенное накопление, усложнение, совершенствование. Содержательно этот свод является кодексом нравственной безопасности – он гарантирует не быстрое достижение

цели, а духовное самосохранение на пути к ней, в экстремальных (для поэта – всегда!) условиях.

Традиция требует учительства и ученичества (возможно, и опосредованного), поначалу – подчинённости (против которой сразу восстаёт инстинкт самости); затем – обретения опыта (и здесь самость проходит нелёгкое испытание); и только потом даёт желанную свободу, свободу особого качества, основанную на самодисциплине и внутренней выстроенности. Традиция – путь, по которому надо идти, русло, в которое нужно влиться без страха раствориться в общем «потоке» (тем более, что для литературы реальностью является единство прошлого, настоящего и будущего). Традиция – стержень, позвоночник культуры.

В традиции литература служит человеку, и это служение высоко, оно требует от служителей того же, чего требует от священнослужителей религия: внутренней чистоты, духовного порядка. Только тогда ты получаешь право транслировать (провозглашать) некие истины, и пусть это будет истина одного, мгновенного лирического ощущения, но – высокая истина.

Традиция служения человеку через литературу принимает определённые формы, напрямую зависящие от конкретной ситуации в социуме (то есть восполняет недостаточное в каждый конкретный период внимание к человеческому в человеке). Она питает и возвращает эти формы, совершенствует, ломает и сбрасывает то, что уже отработано. При наличии внутреннего стержня адаптация традиции сводобно адаптируется к новым условиям. В экстремальной ситуации проблематичным может стать сохранение «позвоночника».

Именно традиция создаёт и сбрасывает вовне отработанные формы: оболочки (мифы) и суждения, бывшие когда-то актуальными, но утратившие не только актуальность, но и саму живую связь с реальностью (предрассудки). А мёртвая форма – это как раз то, что убивает.

Почему возникает тяготение к мифу? Миф как модель смыслообразования, реализованная в образе, духовно и во времени превосходит жизнь отдельного человека, и потому чрезвычайно привлекателен для тех, кто испытывает естественную неуверенность в своих силах. Иметь дело с мифом намного проще, чем с традицией, и самоутвердиться в нём можно гораздо быстрее. Если традиция – путь, протяжённый во времени, то миф – убежище, в которое можно войти достаточно быстро.

Можно, конечно, создать и свой собственный миф, но для этого нужны сверх-усилия – легче стать просто хорошим поэтом. Проще всего выбрать сэконд хэнд – расхожий миф (пожалуй, его даже можно назвать обывательским стереотипом). Обычно он инстинктивно подбирается на вырост – чуть больше размером. Если разница между значительностью мифа и мерками его обитателя слишком велика, это бросается в глаза, как рукава до колен. Если миф тесноват – «швы» его трещат и расползаются.

Кто-то когда-то создал миф своей жизнью, реальным опытом, кто-то укрепил, и кто-то уже отказался от него, унёс из него магистральный опыт живой жизни, а тебе остаётся только забраться внутрь – ведь это хоть какая-то защита, придающая тебе уверенность. Традиция требует времени, усилий, взвешенного говорения или молчания – но ты хочешь утвердить себя здесь, сейчас, немедленно! И вот он – готовенький миф, за его скорлупой не видно, каков ты на самом деле, и в тебя не попадают стрелы реальной жизни.

Теперь ты защищён, но ведь далеко не факт, что выбранный миф полностью соответствует тебе, мало того – не факт, что он тебя отпустит, когда тебе действительно понадобится свобода, ибо миф – скорлупа, панцирь, а ты растёшь, тебе нужен воздух, нужно пространство. И постепенно приходит понимание, что ты – в ловушке. Выход, конечно, есть, его никто не заваливал камнями, если ты сам не задраилась наглухо. Но выходить уже страшно. Страшно остаться без скорлупы. Ведь придётся по-иному строить жизнь. Мало того – и окружающие будут тебя переоценивать... В какую сторону? Совпадут ли твои претензии на самостоятельность с суровым суждением реальности?

Однако оставим весь этот психоанализ. Наша задача более проста и прагматична. Ведь мифы – ловушка только для настоящих поэтов. Посредственности вполне уютно обитают в этих скорлупах, и неуязвимы благодаря им. Убежища посредственности всегда комфортны и благоустроены. Но поэт, попадающий в пространство чужого мифа, либо гасит свой внутренний свет, свой инстинкт истины (из соображений пожарной безопасности), либо... «Там человек сторел.» Миф при этом – вот что любопытно! – не только не стораёт, но становится прочнее и даже как бы привлекательнее, он «освящён» трагедией и поджидает новую жертву.

Мы хотим снабдить смертельные мифы стандартной табличкой с черепом и костями, потому что предупреждён – значит, вооружён. И при этом – свободен, как того всегда хочется поэту.

Воспринимая мир в более широких пределах, чем того требует обыденная жизнь, поэт вынужден декларировать свою непохожесть. Первый импульс нормальной самоидентификации: отделить себя от массы, которая представляется безликой (хотя это очень опасная оптическая иллюзия). «Я – не толпа», это бесспорно, но тогда возникает проблема положительной идентификации: «Кто ты?». А ты этого пока и сам не знаешь. У тебя есть внутреннее ощущение мощной потенции, но нет инструментов её реализации. Возможно, ты даже ни одного стихотворения пока не опубликовал. Отделение от целого произошло, ты один и для всех никто, тебе страшно. Вот тут реальность начинает услужливо подвигать к тебе поближе несколько мобильных убежищ. Вход, как водится, бесплатный, а к моменту выхода обычно набегают проценты и начинает работать счётчик.

Миф первый. Избранничество.

«Нет, я не Байрон, я другой...». Чем опасен миф избранничества? Отрывом от наработанной веками культуры (читай: техники безопасности) переживания высоких состояний. Изначальной установкой, что ты одинок и тебя никто не поймёт. Высокие состояния, мощные энергии идеального полюса жизни, замкнутые на крохотный пятючок индивидуального существования, сфокусированные на естественно имеющихся несовершенствах природы, выжигают человека изнутри. Очень часто пребывание в этом мифе при всём внешнем благополучии заканчивается тем, что поэт перестаёт отвечать своим собственным идеальным представлениям о себе – своей жизни, своих взаимоотношениях с близкими людьми (отношения превращаются в перманентный хаос и кошмар). Суицид физический (уничтожение тела) или суицид духовный (разрушение сознания) становится логически неизбежной развязкой. И если разрушение сознания всё-таки может привести (и иногда приводит) к выходу из мифа в реальность, к иной самоорганизации, то суицид физический ставит последнюю точку.

Впрочем, можно нарастить скорлупу мифа изнутри, увеличить его прочность. Презрение к окружающим, насмешка над ними, ощущение собственного превосходства... Именно эта модель получила широкое распространение в среде так называемого «актуального искусства». Но ей можно воспользоваться только тогда, когда окончательно погашено

своё чистое, природное ощущение идеального – инстинкт истины, то есть когда поэт в человеке уничтожен, а сам человек превращается в «чёрную дыру»: поглощает силы и энергию окружающего мира и паразитирует на чужих делах и жизнях.

Миф избранничества берёт своё начало в традиции, где, однако, не каждый званый может стать избранным (и не сам себя избирает, кстати). Традиция, как правило, избирает не презирать, а сострадать – именно это свойство таланта остаётся определяющим. И это здоровое суждение. Миф полностью меняет смысловые полюса традиции: минус в нём становится плюсом, плюс – минусом.

Миф второй. Гуляка праздный.

Этот миф сродни первому, он также основывается на не подкреплённом пока в реальности ощущении собственной исключительности. Вы – рабы обыденности, восемь часов вы сидите в своих конторах, потом возвращаетесь к своим диванам, телевизорам, кастрюлям, сопливым детям. Впрочем, вы можете возвращаться к своим виллам, вольво, бриллиантам, ресторанам, а ваши дети учатся в Англии или Америке – это так же пусто и отвратительно. Я презираю всё это. Я... А что я должен делать, чтобы не быть похожим на вас, господа обыватели? Я свободен от обыденности, я буду вести праздную жизнь! Я – поэт!

Праздность затягивает как болото. Она заполняет жизнь отнюдь не поэзией, во имя которой провозглашалась: трёпом, прикольными тусовками, пьянками, и даёт богатую пищу для бедных обывателей: им недоступны стихи, но они вполне могут понять и заинтересованно обсудить перипетии твоего быта. А это уже слава. Неважно, какая.

Незаметно, но очень быстро ты оказываешься на иждивении у жизни – у близких, искренне ценящих твой талант и потому берущих на себя часть определённого всему живому повседневного труда. Это комфортно, но праздность затягивает, долги растут и удваиваются: ведь тебе кажется, что это близкие должны, поскольку ты поэт, талант и пр., а они обыватели; но на самом деле растёт твой долг перед ними, жертвующими ради тебя собственными интересами и нуждами. Ещё хорошо, что ты в силу растущего эгоизма этого не понимаешь в полной мере – точно сошёл бы с ума.

В границах этого мифа и возникает идея жертвы во имя литературы. Ты уже согласен, что ты иждивенец, горький, запойный пьяница, возможно, бытовой хулиган и даже негодяй по отношению к

близким, но ты служишь литературе, ты её жертва. Литература – чудовище. Однако она же и – необъяснимо, но не обсуждается! – наивысшая цель, оправдывающая твоё непутёвое существование. Эта призрачная цель – единственная ниточка, на которой ты держишься. Держись – литература готова служить тебе и так, потому что **она** для человека, а не наоборот.

Миф о праздности поэта берёт своё начало в традиции, где служение высоким целям не должно затмеваться сугубой повседневностью. И это суждение является здравым. Мифическая праздность поэта – не свобода, но враг его свободы.

Миф третий. Бунтарь-одиночка.

Он также основывается на идее избранничества и трактуется как вседозволенность разрушения. Бунтовать принято против существующего строя. Но в силу соотношения величин это противостояние всегда более разрушительно для поэта и поэзии.

Ты противопоставляешь себя, как и полагается поэту, сразу всему. И тут же возникает масса отрицательных связей по типу «Я – не...» Они лишают свободы манёвра, разрушают самостояние. Ты определяешь себя преимущественно методом «от противного» и оказываешься прочно привязанным к «минус-эталону»: внутренний мир твой деформируется, зеркально повторяя ненавистные деформации противника.

Как ни парадоксально звучит, раб системы более свободен, чем её враг: в последнем случае духовное закрепощение является добровольным. Раб может получить свободу (хотя и здесь тоже есть проблемы). Однако враг, чтобы существовать, вынужден искать нового соперника, то есть – сеять вражду. И зеркальные деформации сами по себе не исчезают – они остаются твоей сущностью. Самостояние утрачено. К этому ли ты стремился, решаясь на бунт?

Одной из форм бессмысленного и беспощадного бунта в нашей литературе можно назвать самодовлеющую иронию. Например, в начале нового века после обрушения старой формы социума ироническое «диссидентство» в поэзии не угасло, оно нашло нового врага, но теперь уже в самом языке, его действенных формах, в сознании. То есть стало разрушать содержание человеческих связей: живое, жизнеспособное, необходимое для жизни. Поэзия из искусства переживания высоких смыслов бытия в результате такого бунта мгновенно вырождается в тусовочный трёп, одуряющую праздность

сопливых юнцов, козыряющих свободой речи от всего: синтаксиса, грамматики, пунктуации, строя, культуры, смысла. Она закономерно превращается в приколы – груды мусора и обломков, в которой роются литературные бомжи, отыскивая чудом уцелевшие вещи и растаскивая их по своим колодцам и теплотрассам.

Реализация этого мифа приводит в итоге к тому же саморазрушению или (худший в нравственном отношении вариант) к формированию паразитического типа существования, нацеленного теперь уже на разрушение любых чужих смыслов (связей с жизнью), при полном отсутствии умения, да и желания создавать собственные.

Миф о бунтаре-одиночке берёт своё начало в традиции, где поэтическое является критерием высокого=чистого=истинного. Традиция утверждает: если твоё ощущение духовной иерархии жизни расходится с общепринятым, ты должен сохранять самостояние. И этого достаточно. Поэзии вообще необходимо и достаточно просто быть – ибо вокруг неё и происходят тончайшие смысловые трансформации жизни. Бытие как деяние противопоставляется в ней деянию как бытию. Но каково должно быть качество этого бытия, чтобы индуцируемая вокруг тонкого проводка энергия начала гармонично изменять реальность? То-то и оно... А ведь есть примеры.

Теперь поговорим о предрассудках. Они менее опасны, менее значимы, но играют роль хорошо протоптанных тропинок к мифам, поэтому мы их обозначим.

Предрассудок первый. Священные мухоморы.

Литературная среда однозначно лояльно относится к различного рода допингам. В ней можно найти весь спектр изменяющих сознание компонентов – от безобидного никотина, убивающего лошадь, до... простите, здесь я не специалист, не знаю, как закончить фразу. «Есенин пил, а вон каким был поэтом! Русский поэт всегда пьёт! А ты что трезвый сидишь? Донос пишешь?» – вот малый джентльменский набор фраз традиционной писательской пьянки. Работяга-заводчанин, грузчик, местечковый мудрец дядя Вася могут пить горькую всю жизнь и не спиться, а поэт, попав в это колесо, чудовищно деформируется, деградирует и погибает неизбежно. И не потому, что он слабее, а потому что его внутренний мир сложнее, тоньше устроен.

Да, достижение высоких состояний возможно и с помощью допингов, но в традиции эти состояния достигаются за счёт чистоты сознания, а не за счёт его деформации – в этом-то и заключается высший

поэтический пилотаж. Деформации оставляют след в психике – с каждым разом всё глубже, и процесс творчества становится процессом постепенного распада личности, самоуничтожения (см. Мифы 1, 2, 3).

Предрассудок второй. *За всё заплочено жизнью.*

Совершенно естественным образом ранняя смерть поэта накладывает особый отпечаток на восприятие его творчества. У современников возникает стремление разглядеть за трагедией некую тайну судьбы. Но стихи остаются стихами. Будем честны: смерть не прибавляет к ним ничего, кроме понимания, что поэт больше ни строки не напишет. Это понимание усиливает боль, но не придаёт глубины уже созданным стихам.

Если в обществе принято обращать пристальное внимание на поэта преимущественно после его смерти, этот предрассудок постепенно приобретает зловещую популярность, и как следствие – меняет свой знак в культуре с категорического минуса (безусловная трагедия) на многоточие или плюс («Кто кончил жизнь трагически, тот истинный поэт...» – иронизировал Высоцкий).

Традиция предполагает множество вариантов логических завершений жизненного пути (сюжета, урока) и придаёт большое значение финальной точке: это должна быть точка в конце стихотворения. Внезапный обрыв строки обозначает разрушение внутренней гармонии, то есть – последнее поражение поэта (см. Мифы 1, 2, 3).

Предрассудок третий. *Свободные скитальцы.*

Поэт в своей оппозиции повседневности начинает искать союзников в маргинальной среде, поскольку она кажется ему более свободной. Однако риск саморазрушения в этой среде возрастает многократно. Она частично «свободна» только по отношению к обществу и низким человеческим слабостям, а внутри организована гораздо более жёстко. Грубые деформации личности становятся неизбежными.

Традиция имеет в виду сохранение внутренней, духовной свободы, непривязанности к внешним формам. Если внутренняя свобода реализуется за счёт утеснения свободы других людей, она превращается в произвол (см. Мифы 1, 2, 3)..

Предрассудок четвёртый. *Поэт должен быть голодным.*

Лукавый тезис предполагает, что поэт, у которого в обыденной жизни всё благополучно, «заплывает жирком», перестаёт слышать

музыку. Здесь божий дар основательно перемешан с яичницей. Поэзия способна так «подсвечивать» быт, что от обыденности не остаётся и следа. И ничуть не важно, сыт или голоден – важно, что поэт.

Традиция предписывает аскетический образ жизни во избежание энергетических растрат, истощающих жизненный потенциал человека ничуть не меньше, чем голод и нищета. Излишек, так же, как и недостаток жизненных ресурсов, «расшатывает» самостояние личности (см. Мифы 1, 2, 3).

Фантомные боли

Попав в ловушку мифа, поэт вольно или невольно «обживает» его и начинает получать и транслировать информацию не по своим, природным «каналам» интуиции, здравого смысла и гармоничной речи, а по каналам мифа, где она существенно изменяется. Миф навязывает не только форму мышления, но и его содержание. К болевому, почти физическому ощущению несвободы добавляются фантомные боли, «должные быть» в данном мифе: боль непризнанности для «избранников», безысходная тяжесть повседневного жизненного труда для «гуляк», переживание рокового несовершенства мира для «бунтарей». Фантомные боли существенно искажают личность, поскольку свои настоящие страдания она вынуждена «транслировать» по каналам, предписанным ей мифом, и чистая искренность превращается в чудовищную ложь. Это увеличивает и без того невыносимую боль, вызываемую теснотой и «безвыходностью» мифа.

И последнее.

Картина получается почти сатирическая. Но она становится трагической, когда внутри мифа начинает мерцать, метаться, полыхать болью живая душа поэта, искавшего покой и волю, а попавшего – в ловушку.

Эти ловушки становятся особенно опасными, когда традиция по разным причинам ослабевает, прерывается, утрачивается её опыт духовного самосохранения. Они выглядят наиболее привлекательно, когда искусственно ускоряется темп жизни, когда разрушается иерархия жизненных смыслов, когда самолюбие довлеет над самостоятельностью.

Простите меня все, кого я невольно задела. Я люблю вас.